

Спокойствие беру я у пилота,
А яростную смелость — у орла!

Валентин Сорокин, 1960 год

I

Молчание — золото.

Посмотрите на орла: он молчалив и бессмертно красив.

Мой очерк обычен, но я не стану много комментировать, буду, в основном, цитировать стихи поэта. Как бы с ним рядом летящим, буду оглядывать со всех сторон эту могучую, соседскую в роскошном полёте птицу, и молчать. Молчать буду я, догоняя стремительную уральскую удаль:

— Я родился в башкирском селе, — слагает о себе поэт, — Где обветренные джигиты на рысях пролетают в седле, не покачиваясь — как пришиты.

Валентин Сорокин — молния. Валентин Сорокин — свет. Валентин Сорокин — летящая искра. Вот она летит из-под копыт коня его предка, высекаемая мастерством, отвагой, продолжается автобиографичный сказ: *...Самый старший из них — Абдул. Белозубый, широколицый, он в ладонях подковы гнул, словно это вязальные спицы. Жарко дышащего коня на дыбы становил с галопа и в седло поднимал меня, покровительственно хлопав.*

Вот они, орла крылья! Скоро будут клюв и когти.

Не правда ли, строки автобиографичного сказания мгновенно и легко запоминаются? Настолько идут от природы, органичны и крепко спаяны. А это:

— Ой вы, песни, башкирские песни! — словно ветры с весенних полей! С вами даже и мёртвый воскреснет, с вами трижды живые смелей.

Когда я сочиняю этот очерк, цитирую стихи Валентина Васильевича по памяти, поэтому прошу прощения за не авторские знаки препинания. У меня перед глазами совсем нет сборников поэта. Все давно раздарил. Обнаружил — ни одного не осталось. «Быть поэтом — значит быть ветром» — я это лично услышу. Услышу!

Присмотримся и постараемся прислушаться:

— *И река багрянилась, и море, солнце гасло на шеломе дня. Все мы, все по радости и горю на планете близкая родня...*

А теперь посмотрите, как песенно, чётко, ёмко, молитвенно, но это — поэзия: *Можно испепелить сердце меж двух огней, трудно тебя любить, а не любить трудней. Если бы в старину, я бы во мраке гроз только тебя одну на вороном унёс. Стала бы робко ты шанежки в печь сажать и поливать цветы, и сыновей рожать. Жил бы я веселей — сеятель, а не гость, и, воротясь с полей, вешал пиджак на гвоздь...*

Но вот сразу метнём свой взгляд к заострённому клюву:

На Руси родиться — распротиться с радостью и с дедовским крестом. На Руси родиться, как явиться атаманом или же Христом. Если снова ангелы и черти нагло оседлали бунтаря, На Руси недалеко до смерти, до расстрелов, проще говоря.

На Руси мятеж короче лета, он к зиме кончается тоской.

На Руси благодарят поэта гробовою чёрною доской.

Ну, зачем ты смотришь волооко, почему ты грустная, луна, Неужель от Пушкина до Блока речка жизни кровью не полна?

На Руси никто не отвечает за себя, и целые века. На Руси нерусских привечает русская державная рука.

Сколько гасло по тропинам узким, сколько слёз умыкала верста?

Потому и быть на свете русским — доля атамана и Христа!..

Поэта, эту сильную птицу, гнобили, выбивали из гнезда, выкидывали из окон жилища вещи, ломали пальцы на руках (стоят перед глазами моими эти могучие честные постарелые руки труженика индустриального Челябинска 50-60-х годов, по которым сверяешь эпоху со своим представлением о ней), молодой поэт проработал оператором крана мартиновского цеха 10 лет! *Я стоял у огня, плавил кремний и резал, потому — у меня руки пахнут железом. Я стоял у огня между тьмою и светом, потому у меня возле сердца планета, я стоял у огня в миг рожденья булата, потому у меня путь-дорога крылата...*

Истинно так — «крылата», вопреки копошащимся земляным червякам, мечтавшим о поднебесье, завидовавшим, да так и сгнившим в черноте.

Пароходы торопятся к устью. И горят, золоты и остры, купола над июльской (поэт родится 25 числа!) Русью, словно прадедов наших костры. Вот легенда о бешеном хане, вот омытая кровью верста. И на каждом могильном кургане я стою, как распятие Христа.

Имеющий уши!

Музыка и дыхание ветра поэзии Валентина Сорокина:

В эти дни приливы и отливы серебрили пеною пески. И вставали ивы сиротливо над волною белой на мыски.

Помните шаги Маяковского?

«Дай хоть последней нежностью выстелить твой уходящий шаг».

Здесь «щ... ш» тонко передают момент касания обуви земли...

А есенинское — «Не жалею, не зову, не плачу? Это гармоничнейше, скрупулёзнейше подобранное сочетание гласных и согласных звуков.

Но мы летим далее:

Приглядишься — у друга и у брата — сквозь века, где сёла дым коптит, дерзкою стрелою азиата по очам раскосина летит.

Это мы ещё парим над солнечной Башкирией.

Вот какие стихи сочинял тридцатилетний поэт «в стране революции», только что вышедший из мартеновского цеха, ясноокий, целеустремлённый! Орёл. Честный, смелый. И отправился завоёвывать Москву.

II

Купола Кремля золотоглавы. Голубой, теплящий ветровей. Никогда не посрамлю я славы Родины восторженной моей.

Дух её в святых, победных драках до горячей вражеской земли на подковах, на мечах, на траках красные гвардейцы пронесли...

Москва покорится. Сам Василий Дмитриевич Фёдоров приветит, как сына, и даже «благословит» у памятника Горькому, где их, весёлых, одёргивает милиционер, а позже, узнав в одном из них (какова эпоха!) поэта Василия Фёдорова, даже прочитает на память его стихи. Возможно, например, такие: *И видел я незримое доселе: над головой моей издалека, похожие на древних птиц, летели напуганные чем-то облака.*

Их будет часто цитировать Валентин Васильевич. И учиться догонять ветер, на лету хватая добычу.

Вот, кстати, и когти: *Лисицей шнырит по селеньям тать и блудит — от монголина до перса... Доколе душу мыкать и топтать хвастливым и коварным иноверцам? Да отпоет их карканье ворон. К отмщенью, братья славные, к отмщенью. А кто не с нами — убирайтесь вон, и нет вам ни возврата, ни прощенья!*

Эх, вираж, вместе парим!..

Но сразу остывает:

Словно в речку, войду я в траву, тихо трону ладонью ромашку.

И, почти как в бреду, разорву, переполненный счастьем, рубашку!

Вот в этих контрастах есть вся русская бессмертная душа, незлобивая, честная, добрая, но никогда не прощающая обид врагам: *В раздумии, тревожном и мятежном, я замолчу и заново пойму: я должен быть неодолимо нежным и не прощать обиды никому!*

Никто из поэтов его поколения не смог выразить с такой пронзительной поэтической силой и надрывной болью цветение и пылающий закат Красной империи, её пламенеющие крылья.

Расцвет её и становление придут на его учителей, в одно поколение, в два старше Валентина Сорокина — Сергея Есенина, Владимира Маяковского, Бориса Ручьёва, Василия Фёдорова.

Конечно, Маяковский будет выбиваться из этого ряда, как поэт государства, а не родины (если брать грубо), но удивительно синтезирует сам Валентин Васильевич в своём творчестве противоречия «государства и народа». Ещё в 60-е годы была создана восхитительная небольшая поэма «Оранжевый журавлёнок», читая которую, я вспоминал дедушку моего, который мне всегда за столом пел «Журавлёнка несмышлёного...», — песню раннебрежневских времён, совсем другую, но столь же берущую начало в душе народной, как и эта поэма. Она пробилась ростками сквозь нагромождения времён потому, что шла от плоти русского народа.

Корешок к корешку «Оранжевый журавлёнок» встанет рядом с поэмой о маршале Жукове — «Бессмертный маршал».

Этнический русский, сам Валентин Сорокин плоть от плоти полиэтнической крылатой стаи, что когда-то пронеслась по Уралу и частью осела здесь. Воспетый им родной хутор Ивашла, его родина: — *А где же ты, мой хутор Ивашла, и что теперь с тобой, скажи на милость — как будто ива шла и не дошла и над речушкой вдруг остановилась...*

Поэт продолжает рассказывать о родных местах слушателям Высших литературных курсов:

— *Раньше та территория, на которой я жил, принадлежала казакам. Хутор мой поэтично называется — Ивашла. А станица — Преображенская. Красиво... Место расположено в горах! Там летали орлы... Кругом леса, водопады, озёра. А за горы выйдешь — такие дали открываются! Из нашего района ушло около десяти тысяч человек на фронт. Вернулись немногие. В нашем районе девять Героев Советского Союза! И все — посмертно. Народ отважный, красивый. Мой отец вернулся с Великой Отечественной войны инвалидом. Семья большая, восемь детей. Я самый младший был из братьев, а младше меня ещё сестрёнка. В 14 лет я уехал учиться в ФЗУ.*

Хутора, конечно, больше не существует — как и многих деревень России, — зато есть лебединая песнь уходящей эпохе. Или лебединая песнь русскому народу? Нет, только не это. Это не про нас. В творчестве поэта нет этих нот даже близко: *Обелиски горят на родимом просторе, нам они говорят про великое горе! Не сожёт нас беда, у кого не спроси я: никогда, никогда, не погибнет Россия!*

Всегда Россия воспрянет и стряхнёт с себя морок, и даже поможет это сделать другим, осатаневшей Европе уже в который раз: *«...От крови распалась и от огня, расисты шли в мои святые дали: они судили ни за что меня. И, как в мишень, стреляли и стреляли. Вся эта нечисть у меня в долгу, и гнев гудит в груди страшней, чем улей, и до сих пор я вынуть не могу из сердца нержавеющей пули... Но, обретая силу и красу, я говорю через смешки и ропот: — Да, я не раз ещё тебя спасу от недруга внезапного, Европа!»*

III

Личное знакомство с поэтами всегда удивительно. Вспоминаю нашу первую встречу, которая случилась в Литинституте, в этом храме сталинско-горьковско-го искусства, когда в дверях большой аудитории второго этажа заочного корпуса появился, как птица, внезапно, человек с чётким красивым голосом, с юмором:

— Та-ак, вы из какой организации? — обратился он с орлиной серьёзностью, но не скрывая затаившейся иронии к ребятам-работягам, занятым взломом старого ссохшегося оконного проёма. Одобрительно кивнув на их ответ, он в два шага оказывается за преподавательским столом.

За два года обучения на ВЛК я всего один раз пропустил занятия. Настолько насыщены и глубоки были сформированные Валентином Васильевичем «пары», семинары и лекции. Его друг, Орлов Александр Сергеевич, автор одного из лучших и известнейших учебников по истории России, преподаватель МГУ, вёл нас на Новодевичье кладбище. Сам сильно хромый, он говорил нам: «Идите, идите, я догоню». И улыбался вслед...

Удивительные люди, о каждом хочется много рассказать. Большое вам спасибо, учителя, наставники от Бога. Весь этот коллектив был подобран и мастерски сформирован ВВС, проректором по ВЛК тогдашним.

Я не пропустил ни единого занятия лично у Валентина Васильевича, и ещё полгода ходил, уже закончив учёбу с «красным дипломом», к младшим группам, где был преподавателем ВВС.

Возвращаясь к творчеству нашего поэта, выразителю эссенции русского духа, хочется добавить, что Россия без солнечной, жизнеутверждающей поэзии Валентина Сорокина, как изба без русской печи, как родина без воспоминанья — не Россия, а жалкий осколок с некогда звенящими на ветру тополями, птицами, летящими в арктическую даль великой империи.

Дай, Боже, крепкого здоровья дорогому учителю моему! Поэту вечно молодому — Валентину Васильевичу Сорокину!..